

1845 г.

23 [августа].

Красный. Шоссе. Утро. Туман. Болото. Нижний. Ярмарка. Ока. Походили по рядам. Вечером в театр.

Театр. Театр² в Нижнем некрасив снаружи, а внутри – ещё некрасивее. Это – балаган, сколоченный из досок. Внутри выкрашен белой краской. Ложки неопрятны, ничем не обиты; кресла разнокалиберные. С боков дует, снизу дует; надобно было сидеть в шубе и тёплых галошах. Оркестр состоит из 15 музыкантов (5 скрипок, виолончель, бас, остальные – духовые). Струнный оркестр очень недурён, но с духовым находится во вражде, весьма ощутительной. Начало (представления) назначено в 8 часов, мы приехали за 10 минут и зябли до 9 часов с половиной. Я ходил в кондитерскую, устроенную в театре, спросил чашку кофе; мне отвечали: «У нас кофею нет-с, некогда варить, да и не требуется». – А что же у вас есть? – «Водка, вины и больше ничего».

Ждали-ждали, что-то будет? Судя по началу, хорошего ожидать было трудно. Дрожа от холода и долгого ожидания, я собирался разругать наповал театр, актёров, современное состояние драматического искусства на ярмарке, в России, во всем свете, разругать публику, ярмарку, Россию. Наконец, после долгих ожиданий, занавес подымается и взорам нашим открываются дрянные, засаленные декорации. Но декорации можно было извинить тем, что они представляли комнату парижского повесы в 6-м этаже (играли «Магазинщицу»³), и если были не совсем опрятны, то по крайней мере верны. Является Трусов (в роли кофейного служителя), и первый выход его начинает мирить меня с ярмаркой. Развязность, знание сцены, хороший голос, приятная наружность – да это хоть бы и в Москве! Вообще его игра похожа на игру Самарина в водевилях. Потом Линская и Самойлов совершенно очаровали меня. Водевиль был разыгран превосходно. Такого актёра, как Самойлов, я не видывал, и амплуа его у нас на сцене не занято. Роль ветреного, весёлого француза он сыграл удивительно верно. Это – порождение хорошего петербургского французского театра. Линская тоже модистку простенькую, доверчивую и притом немножко капризную сыграла превосходно. Некоторые сцены были сыграны поразительно, а именно – когда она его завивает и когда он за ширмами одевается, а она бренчит на гитаре.

Потом м[узыкальный] в[одевиль] «Хороша и дурна»⁴. Роль Падчерицына играл Живокини. Про Живокини и про этот водевиль говорено так много, что больше говорить нечего. Емельяна играл Соколов несравненно лучше Бантышева: верность, какое-то уныние, глаза совершенно закрыты, не видит никого, стоит спустя руки. Потом Майорова, девочка молоденькая – играла недурно, но без развязности и одушевления. Прочие не портили.

«П[астушку], С[тарушку], В[олшебницу]»⁵ и «Т[еатральное] Ср[ажение]» мы не смотрели, оттого что было поздно и холодно.

1 А.Н. Островский. Полн. собр. соч. в двенадцати томах. Москва. «Искусство», 1973-1980. Т. 10. (Ред.).

2 Ярмарочный театр. (Ред.).

3 Переводный водевиль «La commis de la grisette». На сцене Александринского театра поставлен был впервые в сезон 1843-1844 годов.

4 Водевиль Д.Т. Ленского «Хороша и дурна, и глупа и умна», переделка водевиля Э. Скриба

5 «П. С. В.» – начальные буквы названия водевиля А. Писарева «Пастушка, старушка, волшебница».

Ярмарка. Ярмарка – зрелище поразительное, если смотреть издали или если проехать по ней раза три; но как только станете входить в подробности, очарование исчезнет, и, кроме огромности, костюмов и лиц, ничего не увидите. Ряды – однообразие, исключая китайской линии, собора и дома губернатора, под домом – галерея. Ещё та часть, где ряды, довольно хороша, но другая, за прудом, ужасна, балаганы, трактиры – грязь.

Разнообразие. Опрятные немцы. Русские. Татары. Персияне.

Типы: татарин, слепой, семинарист, персияне.

Город. С мосту направо – новые строения, посреди горы – Благовещенский монастырь, налево большая улица – Рождественская – начинается гостиницей Вяхирева, напротив – гостиница Бубнова, потом пойдут гостиницы. Церковь Рождества великолепная (виноградные колонны), построена Строгановым. За церковью – дом градского головы, аристократический. *Потом* – гостиница двор из двух больших корпусов, гостиница, рынок. – Нижний базар. Гора, собор четырехугольный с маленькими главками, дом губернатора, арсенал, присутственные места, казармы, монумент Минину в жалком состоянии. Пожарскому [1 нрзбр.]. *Потом* выезжаю в ворота и открывается город. Правильная площадь, на ней две церкви, обнесенные решеткою, гостиницы, гимназия, почтамт и пять улиц. 1-я, с левой стороны, идет на верхнюю набережную, на ней замечательное строение – семинария 93 окон. Выхожу на набережную – и открывается Волга, песок и низкий берег, на сколько глаз хватит, города, села, озера. 2-я улица с площади, между гостиницами и гимназией, Тихоновская, ведет в Казанскую заставу; тут замечательные строения – уездное училище, архиерейский дом с огромным садом и развалившийся деревянный театр. 3-я улица начинается с площади между гимназией и почтамтом и ведет к острогу; замечательное здание – институт: 37 окон на улицу. 4-я между почтамтом и гостиницей двором; кроме гостиницы двора, ничего нет замечательного. 5-я, Покровская, чище, шире, длиннее других улиц: кондитерских 2, библиотека для чтения, дворянское собрание похоже на наше зало. 6-я – спуск у стены Кремля, который выходит на Рождественскую улицу между двумя корпусами гостиницы двора.